

Глава 13. Хэ Цзинь встретил Вэнь Лю

Караси, которых поймал Вэнь Си четыре дня назад, до сих пор плавали в тазу. На пятый они всплыли брюхом кверху. Пока Чэнь Ланьфан размышляла, как бы их приготовить, он, собравшись с духом, тихо сказал:

— Матушка, я бы хотел сегодня на ужин суп из карася с тофу.

Тофу, в отличие от обычных овощей, нельзя было просто взять из дома — за ним приходилось идти к деревенскому мастеру. Один кусок стоил целых шесть вэнь, поэтому, произнося эти слова, Вэнь Си невольно волновался.

— Суп из карася с тофу? Конечно, почему бы и нет, — для Чэнь Ланьфан это блюдо вовсе не было каким-то особенным. Она крикнула в сторону двора: — Цзинь, сходи к мастеру за тофу, купи несколько кусков. Сегодня сварим рыбный суп.

— Хорошо, уже бегу! — отозвался Хэ Цзинь.

Чэнь Ланьфан вернулась в комнату, вынесла несколько медных монет и вручила ему.

— Нас в доме много, купи побольше. Что останется после супа — съедим холодным или обжарим. И если получится, поторгуйся с тётушкой Чжан...

Увидев, что Хэ Цзинь только улыбается, глядя на неё, Чэнь Ланьфан хлопнула себя по лбу.

— Ой... Си всё время у меня перед глазами мельтешит, вот я и начинаю каждому читать наставления. Ты ведь хитрец, тебе и напоминать ни о чём не нужно. Ладно, ступай.

Хэ Цзинь нарочно притворно возмутился:

— Почему это Си наставлять нужно, а меня нет? Матушка, вы слишком уж пристрастны!

Чэнь Ланьфан покачала головой и со вздохом сказала:

— Сяоси, ты только посмотри только на своего брата Цзиня. Язык у него острый! Гляди сам себе его прикусит.

Поняв, что они просто подшучивают друг над другом, Вэнь Си мягко улыбнулся.

— Матушка не пристрастна. Брат Цзинь тоже очень хороший.

Хэ Цзинь тут же поддел его:

— Значит, хороши только мы с матушкой? А старшая невестка уже нехорошая?

Вэнь Си поспешно добавил:

— Старшая невестка тоже хорошая. У нас все в семье очень хорошие.

Его искренняя растерянность выглядела настолько забавно и мило, что Хэ Цзинь не удержался от смеха и в отличном настроении отправился к тётушке Чжан за тофу.

Во всей деревне тофу делала только тётушка Чжан. Каждый день её муж носил коромысло с корзинами, продавая тофу то в соседних деревнях, то на рынке в уездном городке. Работа была

тяжёлой, зато приносила неплохой доход.

Когда Хэ Цзинь пришёл, у лавки уже стояло несколько деревенских жителей. Среди них оказался и старый знакомый их семьи — Вэнь Лю.

С самого утра наткнуться на такого человека? Вот уж невезение, подумал Хэ Цзинь. Но на его лице не отразилось ни капли неприязни.

Тётушка Чжан была в хороших отношениях с Чэнь Ланьфан, поэтому, заметив его, радушно сказала:

— Цзинь, и ты сегодня за тофу пришёл?

Сохраняя невозмутимый вид, Хэ Цзинь с улыбкой ответил:

— Третья невестка сегодня утром сказал, что хочет суп из караса с тофу. Вот свекровь и отправила меня за покупками.

Жалуются он или хвастается — все прекрасно поняли. Видя, как он сияет улыбкой, несколько пожилых женщин заметили:

— Да уж, вашему новому фулану и слова дурного сказать нельзя. Так хорошо к нему относятся.

— Именно. Недавно ещё за него с семьёй Чжао разбирались, а теперь вот деньги на тофу дают. Повезло этому молодому фулану.

— И это ещё не всё! Я своими глазами видела, как Ланьфан водила сына и нового фулана в город. Говорила, что хочет купить ему ткань на новую одежду. Заботится о нём так, что и родная мать лучше не смогла бы.

Пока тётушка Чжан заворачивала ему несколько кусков тофу, Хэ Цзинь, выслушав всё это, с улыбкой сказал:

— Это нам Небо благоволит, раз в наш дом пришёл такой счастливый фулан. С тех пор как Сяоси переступил наш порог, болезнь моего третьего брата пошла на поправку, а свёкор стал получать гораздо больше работы. Раз уж к нам попал такой маленький счастливый талисман, как же свекровь может плохо к нему относиться?

— Если так посмотреть, этот ребёнок и правда счастливый. Неудивительно, что ваши свёкор со свекровью его так любят.

— Сяоси трудолюбивый, воспитанный. Всегда вежливо обращается ко всем: «невестка», «брат». Не только мои свёкор со свекровью, даже я со старшей невесткой души в нём не чаем.

При таком количестве свидетелей Хэ Цзинь, разумеется, расхваливал Вэнь Си без всякого стеснения. Пусть вся деревня знает, что семья Янь не только не держит обиды из-за подменной свадьбы, но и искренне полюбила Вэнь Си.

Кто-то покосился на Вэнь Лю и, прикрыв рот ладонью, с усмешкой сказал:

— Ну и что с того, что вы все его любите? Это ведь фулан вашего третьего брата. Главное — чтобы сам муж его любил.

Хэ Цзинь как раз ломал голову, как перевести разговор на Янь Фэнъяня, а тут ему сами подали

удобный повод.

— Да разве можно такого славного человека не полюбить? С тех пор как Сяоси вошёл в наш дом, он каждый день безропотно и заботливо ухаживает за моим третьим братом. Кто же не будет благодарен за такую преданность? Вы просто не знаете, как мой брат оберегает своего молодого мужа. Ох, молодожёны есть молодожёны... живут душа в душу, сладко, будто мёд. Любо-дорого смотреть, завидно даже.

Тётушка Чжан, как обычно, уступила деревенским покупателям по одному вэнь с каждого куска. Хэ Цзинь без колебаний расплатился и добавил:

— Только вы уж не разносите эти слова по всей округе. Молодые довольно застенчивые. Узнают, что я над ними тут подшучивал и со стыда сгорят. Ладно, пойду. В следующий раз ещё поболтаем.

Да разве среди собравшихся был хоть кто-то, кто умел держать язык за зубами? Конечно же, новости мигом разлетятся по всей деревне. Но именно этого Хэ Цзинь и добивался — пусть все знают, что в их семье теперь царят мир и согласие.

За всё это время он ни разу даже не взглянул на Вэнь Лю, словно того вовсе не существовало.

Но Вэнь Лю не был глупцом. Он прекрасно понимал, что Хэ Цзинь нарочно его игнорирует, а все эти слова предназначались именно для его ушей.

Везде, где бы он ни появился, мужчины обычно окружали его вниманием. Теперь же на душе у него было крайне беспокойно. Однако он видел, как окружающие исподтишка поглядывают на него, ожидая увидеть его унижение. И потому в такой момент он ни за что не позволил бы себе показать слабость.

Вэнь Лю сохранял невозмутимый вид всю дорогу до дома. Лишь переступив порог, он наконец дал волю кипевшему внутри гневу.

С сердитым видом он швырнул тофу на разделочную доску.

— Совсем жить надоело?! — тут же прикрикнула Ли Цяочжэнь. — Тофу и так нежный, разве можно его так бросать?

Она подняла ткань, прикрывавшую покупку, и, как и ожидала, увидела, что мягкий тофу разлетелся на несколько кусков.

Нахмурившись, она спросила:

— Откуда столько злости? Кто тебя обидел?

Вытирая слёзы, Вэнь Лю с обидой ответил:

— Кто же ещё, если не Вэнь Си?

— Что, он тоже за тофу ходил?

— Лучше бы это был он.

С таким робким нравом, как у Вэнь Си, тот ни за что не посмел бы при стольких людях отпустить в его адрес колкости. Даже старшая невестка Янь Фэнъяня разговаривала куда

приличнее. Один только Хэ Цзинь — язык острый, характер мерзкий.

Ещё когда он встречался с Янь Фэнъянем, Хэ Цзинь недолюбливал его, а после помолвки при случайных встречах и вовсе не скрывал холодного отношения. Вэнь Лю даже подумывал, что когда он выйдет замуж за Янь Фэнъяня, то попробует нашептать ему перед сном пару слов и поссорить его со вторым братом. Если получится разделить семью — хорошо. А если нет, так хотя бы можно подговорить второго Яня развестись с Хэ Цзином. Жить под одной крышей с таким человеком ему совершенно не хотелось.

Кто же мог знать, что Янь Фэнъянь окажется таким никчёмным? Он всего лишь отправился в горы добыть дикого гуся, а вернулся в таком жалком состоянии.

Ну остался бы дураком на всю жизнь — и ладно. Так нет же, стоило Вэнь Си войти в дом, как у него сразу прояснился рассудок. Будто нарочно решил ему досадить.

Чем больше Вэнь Лю думал, тем сильнее закипал.

— Если бы я знал, что он так быстро поправится, тогда сам бы за него вышел.

— Мы же не небожители, чтобы знать, когда он придёт в себя, — недовольно ответила Ли Цяочжэнь. — Будь мне это известно, я бы ни за что не отдала туда Вэнь Си. Такая хорошая семья... И всё досталось этому маленькому мерзавцу.

Её вовсе не волновало, окончательно ли выздоровел Янь Фэнъянь. Просто сама мысль, что Вэнь Си теперь живёт хорошо, была ей невыносима.

Эти слова лишь усилили сожаление Вэнь Лю. Чтобы сблизиться с Янь Фэнъянем, он приложил столько усилий. С огромным трудом добился того, чтобы тот полюбил его, а в итоге всё это досталось Вэнь Си.

Вэнь Си не был красивее него, да и характером уступал — робкий, нерешительный. К тому же Янь Фэнъянь всегда терпеть его не мог. Как же за столь короткое время он вдруг успел проникнуться к нему чувствами?

Чем больше Вэнь Лю размышлял, тем сильнее сомневался. Наверняка Хэ Цзинь сильно приукрасил действительность. А если в его словах и была доля правды, то, скорее всего, Янь Фэнъянь нарочно изображал нежность, чтобы его задеть.

Каким бы учёным он ни был, всё равно оставался обычным человеком. Неужели после разорванной помолвки его сердце совсем не дрогнуло?

То, чего так и не удалось получить, всегда сильнее всего манит. Янь Фэнъянь так и не смог добиться от него ни малейшей близости. Вэнь Лю не верил, что тот способен так легко выбросить его из головы.

Подумав об этом, он начал строить новый план.

Никто в семье Янь не испытывал к Вэнь Лю ни капли симпатии, поэтому, чтобы не портить всем настроение, Хэ Цзинь не стал рассказывать о случайной встрече.

Днём плотник Янь вместе с двумя сыновьями работал в соседней деревне и должен был

вернуться только вечером.

В доме Янь всё вкусное ели всей семьёй. Купленный тофу Чэнь Ланьфан слегка натёрла солью и отложила до ужина.

В спальне Янь Фэнъянь собирался растереть тушь и кое-что написать. Вэнь Си, глядя на кисти, тушь, бумагу и тушечницу, неосознанно смотрел на них с нескрываемым восхищением.

В этой династии женщинам и герам хоть и запрещалось участвовать в государственных экзаменах, учиться грамоте никто не запрещал. Если семья могла себе это позволить, любой имел право ходить в школу.

О взрослых и говорить нечего — даже Течжу посещал деревенскую частную школу. Только Вэнь Си и трёхлетняя Таоэр не знали ни единого иероглифа.

Янь Фэнъянь сразу уловил перемену в его настроении. Подозвав Вэнь Си к себе, он принялся растирать тушь и между делом спросил:

— Ты умеешь писать своё имя?

Вэнь Си взглянул на него.

Когда Янь Фэнъянь уже решил, что вопрос оказался бессмысленным, тот медленно кивнул.

— Умею.

Ответ оказался неожиданным.

Янь Фэнъянь достал лист сюаньской бумаги, прижал его пресс-папье и сказал:

— Тогда напиши. Хочу посмотреть.

Вэнь Си покачал головой.

— Я пишу очень плохо. Не хочу зря переводить твою бумагу.

— Красивый почерк не появляется за один день. У тебя просто никогда не было возможности тренироваться! Неудивительно, что тебе писать трудно. Да и эта бумага у меня как раз для черновиков, так что не переживай, не пропадёт.

Он обмакнул кисть в тушь, слегка приподнял подбородок и жестом предложил Вэнь Си взять её.

Внимательно всмотревшись в лицо Янь Фэнъяня и не заметив в нём ни тени насмешки или желания унизить его, Вэнь Си немного помолчал, затем подошёл ближе, встал рядом и, выводя каждый штрих с предельной осторожностью, написал на листе своё имя.

В душе он нервничал, но рука с кистью неожиданно оставалась твёрдой. Чернила ложились неровно, однако сами иероглифы были построены правильно — не кривые и не расплзающиеся во все стороны, как это обычно бывает у начинающих.

Янь Фэнъянь с искренним восхищением сказал:

— Да у тебя отлично получается! В твоём имени столько черт, написать его так аккуратно

совсем непросто. И порядок штрихов у тебя абсолютно правильный, ни одной ошибки. Это действительно впечатляет. Кто тебя научил?

Вэнь Си покачал головой.

— Я часто тренировался углём... — только и ответил он, больше ничего не объясняя.

Раз он не хотел говорить, Янь Фэнъань не стал расспрашивать. Вместо этого с улыбкой предложил:

— Тогда как тебя такая идея? Будешь растирать для меня тушь, а я научу тебя читать и писать.

Он прекрасно помнил всё, что человек, прежде занимавший это тело, сделал Вэнь Си. При нём Вэнь Си тщательно скрывал свои чувства, но Янь Фэнъань знал: эта тема до сих пор причиняет ему боль.

Вэнь Си был человеком простодушным и верил каждому его слову.

— Но... я ведь не умею растирать тушь.

— Это проще простого. Добавляешь немного воды в тушечницу и водишь по ней тушью, пока не получится густая краска.

На лице Вэнь Си появилось выражение сомнения. Тогда Янь Фэнъань продолжил:

— Это ведь хорошее дело. Научишься читать и писать — никто больше не сможет задевать тебя этим. Да и с людьми разговаривать станет легче, не придётся чувствовать себя неловко.

Он никак не мог понять, что именно так смущает Вэнь Си.

Разве сам Вэнь Си не понимал, насколько полезно учиться? Осторожно указав пальцем во двор, он тихо сказал:

— Но... я хотел бы поучиться у старшей невестки и остальных шить одежду.

Немного помолчав, он добавил:

— И обувь для тебя я ещё не дошил.

Столько дел навалилось одновременно, что, как бы ему ни хотелось учиться, сил и времени на всё попросту не хватало.

Янь Фэнъань звонко рассмеялся.

— А я-то думал, что случилось что-то серьёзное. Тогда давай так: сначала помогай старшей невестке и остальным. Когда закончишь с одеждой, тогда и начнём. Родители уже договорились для меня о долгом отпуске. В академию я вернусь только следующей весной. Времени у нас ещё предостаточно. Когда освободишься, я понемногу буду тебя учить.

— Хорошо.

Напряжение в душе Вэнь Си наконец исчезло, и на его губах сама собой появилась лёгкая улыбка.

К вечеру птицы вернулись в свои гнёзда, а Янь Шичан привёл домой двух сыновей.

Мужчины целый день тяжело работали, зарабатывая на жизнь, поэтому Чэнь Ланьфан особенно постаралась с ужином. Помимо супа из карася с тофу, она приготовила ещё два мясных блюда и одно овощное, причём каждого было вдоволь.

Именно ужина Вэнь Си ждал больше всего.

Вся семья дружно собиралась за одним столом. Старший и второй братья были такими болтунами, что даже во время еды наперебой рассказывали обо всём забавном, что случилось с ними за день. Старшая невестка и Цзинь-гер одновременно выбирали детям лучшие кусочки еды и поддакивали своим мужьям. Двое старших с улыбкой слушали их и время от времени тоже вставляли пару слов.

Вэнь Си осмелился положить себе ещё один кусочек тофу, и никто не посмотрел на него косо, не посчитал, что он съел слишком много.

Хотя Янь Фэнъянь был учёным, за столом он вовсе не придерживался старых правил вроде «во время еды не разговаривают». Правда, чаще всего он, как и Вэнь Си, лишь спокойно слушал остальных и почти не вмешивался в разговор.

Тофу пропитался ароматным рыбным бульоном и стал невероятно нежным и свежим. Вкус оказался точь-в-точь таким, каким Вэнь Си помнил его.

Он столько лет мечтал попробовать этот суп из карася с тофу... И вот наконец смог.

Его глаза невольно защипало.

Ему вдруг до боли захотелось вернуться в прошлое, обнять того маленького себя, которого когда-то лишь за желание попробовать глоток рыбного супа родители обругали и выгнали за дверь.

Когда сердце болезненно сжалось от этих воспоминаний, в его миске неожиданно появилось ещё несколько кусочков мяса и овощей.

Даже не поднимая головы, он понял, кто это сделал.

Вэнь Си тихонько посмотрел вверх.

Янь Фэнъянь уже несколько раз брал себе грибы, жаренные с мясом. Видимо, это блюдо ему особенно нравилось. Поэтому Вэнь Си тоже положил ему немного.

После ужина вся семья ещё долго убирала со стола. Когда совсем стемнело, все разошлись по своим комнатам.

Вэнь Си уже почти заснул, когда вдруг услышал голос Янь Фэнъяня:

— Ах да... Я вспомнил. Это ведь я когда-то научил тебя писать своё имя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/18440/1865501>